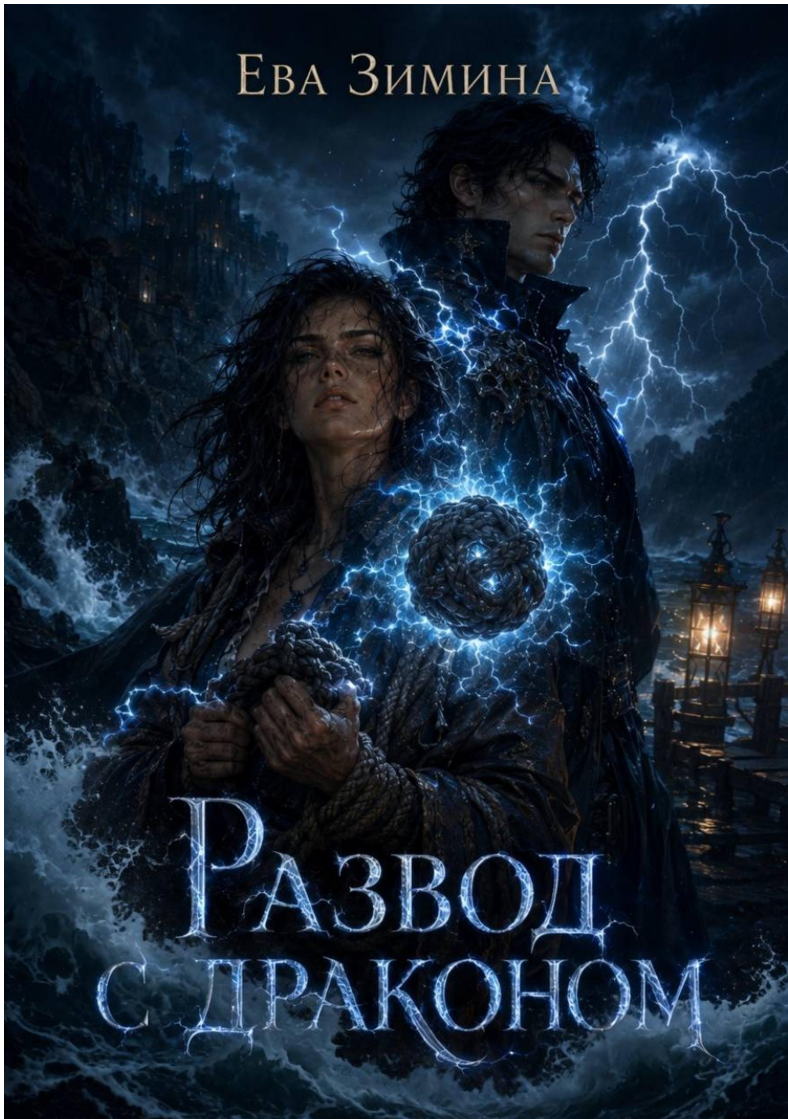

ЕВА ЗИМИНА

РАЗВОД
С ДРАКОНОМ

Ева Зимина

Развод с драконом

<https://litres.ru/74045029>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год назад штормовой дракон лорд Торн Вэйр прилюдно отрёкся от жены: древняя реликвия его дома — Узел Бури, что бьёт искрой на лжи и гудит на правде, — назвала её снасть виновной в гибели его брата. Мэрит, лучшую узловязку вольных гаваней, выбросили на причал с клеймом ведьмы.

Теперь дракон вернулся за ней. Без жены-узловязки он перегорает грозой, а держать наследие дома может только она. Мэрит согласна на одно: фиктивный брак — в обмен на правду. Кто перерезал узлы и где маленькая Несса, которую увезли за море «доить» как источник дара?

Чем ближе разгадка, тем яснее: настоящий узел тогда не лгал — лгала подделка. Их пару разбили нарочно, и за всем стоит Хозяин Гаваней, превративший своё горе в холодный расчёт.

От ненависти до любви — один шторм. Но между ними её сорванное имя, его вина и старая истина: узел держит не верёвка, а слово. Сможет ли однажды преданная женщина довериться снова?

Содержание

Глава 1. Соляная Гавань	4
Глава 2. Чёрный куттер	17
Глава 3. Девятый Вал	31
Глава 4. Узел читает	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ева Зимина

Развод с драконом

Глава 1. Соляная Гавань

Узел держит не верёвка. Узел держит твоё слово — а моё однажды признали ложью при всей гавани.

Я думала об этом каждый раз, когда вязала, и в то утро тоже, стоя по щиколотку в холодной воде на отмели Соляной Гавани. Ветер шёл с зюйд-веста, тяжёлый, набитый солью под завязку, как мешок контрабандиста, и небо на горизонте уже сворачивалось в тот грязно-зелёный жгут, который рыбаки у нас зовут «вдовьим платком». Под таким платком тонут. Если, конечно, рядом нет узловязки.

Рядом была я. Хотя многим в Низовье до сих пор не нравилось это произносить вслух.

— Мэрит! — заорал с мостков старый Гесс, перекрикивая прибор. — «Чайка» не дойдёт! Их сносит на Зубья!

Я не подняла головы. Я смотрела на свои руки и на шнур в них — девять прядей просмолённой пеньки, заплетённых через мои же пальцы так, что любой посторонний увидел бы только спутанный обрывок снасти, а я видела карту ветра. Грозовой узел не вяжется глазами. Он вяжется нутром. Ты

ловишь в петлю не верёвку, а тягу воздуха над водой, и каждый перехлест — это слово, сказанное буре: сюда нельзя, а сюда можно, а здесь подожди.

— Вижу, что сносит, — сказала я. — У меня глаза есть, Гесс.

— Так свяжи им дорогу, прах тебя заberi!

— Вяжу.

Я говорила ровно, потому что с бурей нельзя говорить иначе. Буря чует дрожь в голосе, как собака чует страх, и кидается на того, кто боится. Я научилась этому раньше, чем научилась читать. Моя мать была узловязка, и её мать, и так до самой первой бабки, что пришла в Низовье на обломке мачты и осталась вязать ветер для тех, кто принял её в гавань. Дар у нас не записан ни в один реестр империи. За морем, на большой суше, такой дар называли бы запретным и свезли бы носительницу в Обитель Пепла, где запретный дар гаснет вместе с жизнью. Здесь, в вольных гаванях, его называли работой. Грязной, тяжёлой, нужной — как починка сетей или потрошение трески. За работу платят. За работу не любят. Это меня устраивало много лет, пока я не сделала глупость и не позволила одному человеку полюбить меня по-настоящему. Тогда я и узнала, что любовь в этом мире стоит дороже, чем я могла заплатить.

«Чайка» вынырнула из-за мыса, и я увидела, как её мотает. Двухмачтовая шхуна, груз — соль и вяленая рыба, на борту человек восемь, и среди них, я знала, малец Тувы, ко-

торый в первый раз вышел в море юнгой. Туву я знала с её свадьбы. Тува носила мне починять чулки, когда у меня не было ни гроша, и не спрашивала, откуда у узловязки нет гроша, хотя вся гавань знала откуда. У узловязки не было гроша, потому что узловязка год назад была леди, а потом перестала ею быть в один вечер, и леди не научили хранить деньги, а узловязку из неё пришлось делать заново, с ободранными в кровь руками.

Зелёный платок над горизонтом дёрнулся и пошёл вниз, на воду. Дождь ещё не начался, но воздух уже загустел, и в нём завозилась первая молния — не вспышка, а только зуд, только обещание. Я почувствовала его кожей раньше, чем небо. Грозовой дар — это когда молния узнаёт тебя за версту и спрашивает разрешения. Иногда спрашивает. Чаще нет. Чаще она бьёт, куда хочет, и моё ремесло в том, чтобы между «хочет» и «бьёт» вставить свой узел.

— Держи, — сказала я буре. Тихо, одними губами.

И завязала первый узел.

Тяга над «Чайкой» дрогнула. Я почувствовала это так ясно, будто мне в ладонь легла живая, бьющаяся рыбина. Ветер, что нёс шхуну на Зубья — три чёрных камня у входа в гавань, сожравших за сто лет больше кораблей, чем чума людей, — этот ветер запнулся о мою петлю и пошёл вкось. Не послушно. Грозовой ветер никогда не послушен. Он пошёл вкось, потому что я перекрыла ему прямую дорогу, и ему стало легче свернуть, чем переть на узел.

Второй узел. Третий. Я вязала, стоя по колено в накатывающей воде, и солёные брызги били мне в лицо, и где-то за спиной Гесс орал что-то ободряющее, а я его не слышала. Когда вяжешь по-настоящему, ты глхнешь ко всему, кроме ветра. Мир сужается до шнура в руках и до тяги, которую ты гнёшь под себя, и в этом сужении есть что-то почти счастливое — единственное место, где я ещё умела быть собой целиком. Не брошенной женой. Не ведьмой. Не ошибкой, которую кто-то однажды совершил. Просто руками, которые держат бурю.

«Чайка» прошла мимо Зубьев так близко, что я разглядела белые лица у борта. Малец Тувы вцепился в ванты обеими руками. Шхуну качнуло, выровняло, и кормчий — я узнала широкую спину Борга — навалился на румпель, доворачивая в ту щель, которую я ему оставила. Узел держал. Ветер выл и бился в мою петлю, как пёс на цепи, и я держала, держала, пока «Чайка» не вошла в спокойную воду за молом.

И только тогда отпустила.

Буря рванулась на свободу с такой злобой, что меня шатнуло. Последний узел расплёлся у меня в пальцах сам, отдав ветру всё, что я у него отняла, и хлынул дождь — сразу стеной, без предупреждения, как это бывает только в Низовье. Я стояла под ним, мокрая до нитки, и смотрела, как «Чайка» бросает швартовы, и чувствовала ту знакомую пустоту, что всегда приходит после большого узла. Будто из тебя вытащили хребет и пока не вставили обратно. Мать называла

это «отдать долг ветру». За каждый связанный узел платишь куском себя. Поэтому старых узловязок мало. Они истираются раньше срока, как канат на остром камне.

Мать говорила: узловязка платит трижды. Сначала силой — за каждый узел кусок хребта. Потом одиночеством — потому что кто захочет делить очаг с той, кто торгуется с грозой. А третий раз — когда устанешь и захочешь, чтобы тебя кто-нибудь подержал так же крепко, как ты держишь чужие корабли, и поймёшь, что держать тебя некому. Я смеялась над этим в шестнадцать. В двадцать семь я стояла мокрая на отмели и считала, во сколько мне обошёлся тринадцатый корабль, и понимала, что мать, как всегда, недосчитала. Платишь и четвёртый раз — памятью. Тем, что каждый спасённый чужой малец напоминает тебе о чужом мальце, которого ты не спасала, но за гибель которого тебя распяли при всех гаванях.

— Тринадцать, — сказал Гесс, подходя по колено в воде. Старик не боялся ни бури, ни меня — единственный, кажется, во всей гавани. — Тринадцатый корабль за эту осень, девочка. Скоро тебе памятник поставят.

— Памятники ставят мёртвым, — сказала я. — Я пока вяжу.

— Вот и я о том. — Он сунул мне в руки флягу. В фляге был не ром, а горячий травяной отвар — Гесс знал, что после узла меня мутит от рома. — Пей. И иди сушишь, пока не слегла. Кто тогда будет нас вытаскивать, а?

Я выпила. Отвар обжѐг горло, и пустота внутри понемногу начала заполняться — не теплом, а хотя бы тяжестью, и это уже было кое-что. Дождь хлестал по гавани, по чёрным крышам Соляной, по перевёрнутым лодкам и развешанным сетям, и сквозь его шум я услышала, как с «Чайки» кричат моё имя. Благодарили. Туву, наверное, уже сказали, чей узел спас её мальчика.

Я не пошла принимать благодарность. Я никогда не ходила. Узловязку благодарят, пока буря на горизонте; а когда небо чистое, ту же узловязку зовут ведьмой, и плюют через плечо, и не садятся с ней за один стол. Я знала цену благодарности, выкрикнутой из-под вдовьего платка. Через час она высохнет вместе с палубой. Через день у трактира мне опять не нальют в долг, а мать какого-нибудь сегодняшнего спасѐнного уведѐт ребёнка за руку, если я подойду слишком близко: ведьмин глаз, не дай прах, сглазит. Я давно не злилась на это. Злость — тоже долг, который платишь куском себя, а я и так была вся в долгах.

Так было не всегда. Когда я ещё носила имя Вэйр, в гавани мне кланялись. Леди узловязка, какая честь, какой выгодный для дома брак — соединить грозового дракона с той, кто вяжет грозу. Это была хорошая сказка. Я сама в неё верила два года. А потом сказку забрали, и осталась только я, мокрая, на отмели, с ободранными руками, и те же люди, что кланялись, теперь смотрели мимо.

Я помнила тот вечер по кускам, как помнят пожар —

не целиком, а вспышками. Большой зал Грозовой Косы, забитый старейшинами гаваней и капитанами; запах мокрой шерсти и дыма от факелов. Тело Виго, которое так и не нашли, и потому хоронили пустой гроб с его рыбацким ножом внутри. Лицо Торна, белое как парус, когда ему вкладывали в руки узел и говорили: спроси. Спроси у Узла Бури, чья снасть вела корабль твоего брата в ту ночь. И я стояла перед ними и говорила правду — что не вязала в ту ночь ничего, что была в постели, что узнала о буре только утром, — и узел в руках мужа выбрасывал искру на каждом моём слове, искру за искрой, будто я лгала каждым вздохом. Я смотрела на эти искры и не понимала. Я и сейчас не понимала. Узел был наш, домашний, я держала его сотни раз, он гудел мне ровно, как кошка под ладонью, — а в тот вечер плевался огнём, словно меня подменили. Или его. Тогда я об этом не подумала. Тогда я думала только о том, как стою посреди зала, и муж смотрит на меня глазами чужого человека, и за моей спиной кто-то уже шепчет: ведьма. Утопила мальчика. Грозовая ведьма со своими узлами.

К утру я была никем. Развод у драконов прост: он называет узел солгавшим — твой узел; он называет тебя солгавшей; он снимает с тебя имя дома, и собрание гаваней это заверяет. Меня вывезли на «Девятом Вале» обратно в Соляную и высадили на том же причале, у которого он стоял сейчас. С одним сундуком и без имени. И я пошла к матери — а матери уже год как не было, она истёрлась на большом узле в по-

запрошлую осень, — и поселилась в её доме, и стала вязать ветер за гроши, потому что больше ничего не умела, а есть хотелось каждый день одинаково.

Я выжала подол, подобрала свою корзину со снастью и пошла по мокрым мосткам в город. И вот тогда, на половине пути, я увидела чёрный куттер.

Он стоял у дальнего причала, у того, где обычно швартуются только сборщики податей да заморские купцы, — длинный, узкий, чёрный от киля до клотика, с такими обводами, каких в Низовье не строят. Я остановилась. Не потому, что испугалась. Я просто не сразу поверила глазам. Этот корабль я знала. Я знала каждую его доску, потому что три года назад стояла на его палубе невестой, и солёный ветер трепал мне волосы, и человек рядом со мной был так красив и так холоден, что я приняла этот холод за достоинство.

«Девятый Вал». Личный куттер дома Вэйр. Корабль, на котором меня везли в Грозовую Косу женой и с которого через год с небольшим свезли обратно — никем.

А на сходнях, спиной к дождю, будто дождь не имел права его касаться, стоял он.

Я узнала его по тому, как стоит. Драконы стоят не так, как люди. В них всегда есть это — будто земля под ними чуть проседает от веса того, что они в себе носят. Торн Вэйр держал плечи прямо, как держат не для того, чтобы понравиться, а для того, чтобы не согнуться, и ветер, который только что чуть не утопил «Чайку», обтекал его, не смея растрепать

ни одной пряди его тёмных волос. Под кожей у него, я знала, сейчас ходит молния. Я видела её однажды совсем близко — голубоватые жилки света, бегущие по предплечью, когда он злился или когда хотел меня. В те дни я ещё путала одно с другим.

Год. Год и три месяца с того дня, как он встал перед собранием гаваней, взял в руки узел — тот, который я считала Узлом Бури нашего дома, — и сказал, что снасть его жены погубила корабль его брата. И узел в его руках выбросил искру. При всех. Искра — это приговор. Узел не лжёт, так у нас говорят. Узел не лжёт, и потому, когда он искрит на твоих словах, значит, лжёшь ты.

Я не лгала. Я кричала, что не лгала, а узел всё равно искрил, и я до сих пор не понимала, как это вышло, и эта непонятность съела меня за год дочиста. Хуже изгнания, хуже потерянного имени было одно: я сама начала сомневаться. Если узел не лжёт — может, я и вправду что-то сделала? Может, мой ветер в ту ночь дрогнул, и я не заметила? Узловязка, которая не верит собственным рукам, — это не узловязка. Это просто баба с верёвкой. Целый год я просыпалась с этим вопросом и засыпала с ним же, и он стёр меня сильнее, чем любой узел.

И вот он стоял на моём причале. Дракон, который меня выбросил.

Я могла развернуться и уйти. Низовье большое, дождь сильный, он не сразу нашёл бы меня в путанице улиц Соля-

ной. Но я не развернулась. Не из храбрости. Из той же злой, упрямой жилы, что заставляла меня держать узел до последнего, когда руки уже сводило. Я подошла ближе — так, чтобы он меня увидел, — и встала, и поставила корзину на мокрые доски, и скрестила руки.

Он обернулся.

И я с отвращением к себе почувствовала, как у меня перехватило дыхание. Не от страха. От памяти тела, которое помнило это лицо лучше, чем мне хотелось бы: резкие скулы, тёмные брови, серые глаза цвета воды перед грозой. Год не смягчил его. Наоборот — что-то в нём обострилось, высохло, как высыхает дерево, выброшенное на берег. Под левым глазом залегла тень, которой раньше не было. И руки — я опустила взгляд против воли — руки он держал в перчатках, плотных, до локтя, хотя драконы перчаток не носят. Им не холодно. Перчатки скрывали что-то другое.

— Мэрит, — сказал он.

Просто моё имя. Не «леди Вэйр» — этого имени у меня больше не было, он сам его у меня отнял. Не «узловязка» — так меня звали чужие. Просто «Мэрит», тем низким, ровным голосом, от которого у меня когда-то подгибались колени, а теперь только сжалось что-то в груди, твёрдое и холодное, как Зубья.

— Лорд Вэйр, — ответила я. И добавила, потому что не смогла удержаться: — Сходни занимают причал. Тут разгружают рыбу. От вашего корабля будет вонять знатно.

Что-то дрогнуло в углу его рта. Не улыбка. У Торна Вэйра не было улыбок, по крайней мере для меня.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— А мне не нужно. — Я подняла корзину. — Видите ли, милорд, в прошлый раз, когда вы со мной говорили, я лишилась дома, имени и права входить в семь гаваней из девяти. Боюсь представить, чего я лишусь, если мы поговорим снова. Может, руки? Они мне ещё пригодятся. Я ими работаю. В отличие от некоторых, кто работает чужими руками, а потом ломает их об колено.

— Я заслужил это, — сказал он. И то, что он не стал спорить, разозлило меня сильнее любого спора.

— Вы заслужили больше, — сказала я. — Но у меня нет времени выписывать вам весь счёт. Идёт дождь, у меня мокрые ноги, и где-то в этом городе есть очаг, который я ещё могу растопить, если потороплюсь. Так что бы вы там ни приехали мне сказать — скажите чужой жене. Своей у вас больше нет. Вы об этом позаботились.

Я повернулась, чтобы уйти. И тогда он сказал — не громко, дождь почти съел слова, но я их услышала, потому что такие слова слышишь не ушами:

— Виго мёртв из-за меня.

Я замерла.

Целый год я ждала от него любых слов — оправданий, угроз, нового обвинения. Но этих я не ждала. Виго. Его младший брат, мальчишка с глазами как у щенка, который

один во всём доме Вэйр звал меня сестрой и таскал мне с кухни горячие пироги, потому что считал, что узловязки слишком худые. Виго, чей корабль разбился о Зубья в ту проклятую ночь, и чья смерть стала ножом, которым меня вырезали из жизни Торна.

— Из-за вас, — повторила я медленно, оборачиваясь. — Не из-за меня. Из-за вас.

— Я ошибся, — сказал он. И эти два слова дались ему так тяжело, что я увидела, как под перчаткой на правой руке вспыхнула и погасла голубая искра — молния, рвущаяся из него наружу. — Узел солгал, Мэрит. Узел Бури солгал в ту ночь. И я узнал об этом слишком поздно.

Я стояла под дождём, и вода текла мне за шиворот, и я не чувствовала холода. Я чувствовала только, как во мне поднимается что-то огромное и злое, копившееся целый год, — и я не знала ещё, что это: ярость, надежда или просто новая, незнакомая боль.

— Узел не лжёт, — сказала я его же словами. Его собственным приговором. — Вы сами это сказали. При всей гавани. Узел не лжёт, милорд.

— Этот солгал. — Торн шагнул ко мне, и сходни прогнулись под его весом, и молния под перчаткой вспыхнула снова, ярче. — И я приехал, чтобы ты помогла мне понять, как. Потому что если он мог солгать тогда — он лжёт и сейчас. А я больше не могу позволить ему лгать. Иначе дом Вэйр умрёт. И я вместе с ним.

Он стянул перчатку.

И я увидела его руку. От запястья до локтя по коже шли молнии — не вспыхивали и гасли, как раньше, а горели постоянно, вплетённые в плоть, голубовато-белые, живые. Они шевелились под кожей, как черви света, и там, где они подходили к самой поверхности, кожа была обуглена тонкими чёрными нитями, будто его жгли изнутри. Я знала, что это. Каждый в Низовье знал, хоть и видели немногие. Так выглядит штормовой дракон, который перегорает грозой. Дракон, потерявший свою пару и медленно сгорающий от той бури, что больше некому связать.

— Сколько тебе осталось, — спросила я, и это был не вопрос.

— До Девятого вала, — сказал Торн Вэйр. — Если к Девятому валу мой узел не замкнётся на живой жене — он развяжется на мёртвом муже. У меня есть один сезон, Мэрит. И только одна жена во всём свете, на которую этот узел вообще когда-то отозвался. Ты.

Глава 2. Чёрный куттер

Я не сразу нашлась, что сказать руке, горящей молниями. Потому что нет таких слов. Можно сказать что-нибудь живому человеку, и злому человеку, и даже мёртвому, если очень нужно. А вот человеку, который умирает у тебя на глазах от той самой бури, которую ты умеешь вязать, — сказать нечего. У меня всё нутро тянуло к этой руке, как тянет всякую узловязку к развязанному, рвущему миру: связать, унять, прибрать. Это было унижительно. Я ненавидела его, а руки мои хотели его лечить.

— Наденьте перчатку, — сказала я наконец. — На вас смотрят.

На нас и правда смотрели. Дождь поредел, на причал высыпали грузчики, и пара рыбацек застыла с корзинами, и я знала, что к вечеру вся Соляная будет знать: грозовой лорд с Косы приплыл к ведьме-узловязке, и у лорда рука в живом огне, и стало быть, дому Вэйр конец. В вольных гаванях новости разносит ветер, а ветер здесь не молчит никогда.

Торн натянул перчатку обратно. Медленно, будто каждое движение стоило ему боли, — и, наверное, стоило. Молния под кожей не гаснет. Она грызёт изнутри, я это знала по тем, кого видела в последней стадии: старый лорд Холь с Третьей гавани догорал так три месяца, и под конец от него шёл запах

палёного, и он кричал по ночам, потому что молния доходила до сердца. Ему было шестьдесят. Торну не было и тридцати пяти.

— Где мы можем поговорить, — спросил он. Не «можем ли». Драконы не спрашивают разрешения. Это в них вшито глубже, чем молния.

— Нигде, — сказала я. — Я вам уже объяснила. У меня нет к вам слов. Точнее, есть, но они все непечатные и за них меня не пустят даже в те две гавани, куда ещё пускают.

— Мэрит.

— Не зовите меня по имени так, будто оно ещё ваше. — Это вышло резче, чем я хотела, и резче, чем было безопасно. Я подобрала корзину. — Найдите себе другую узловязку. В Низовье нас девять. Любая свяжет вам бурю за деньги. У вас ведь есть деньги, милорд? У дома Вэйр всегда были деньги. Не было только совести, но это, говорят, не продаётся.

Я пошла прочь. И он не схватил меня за руку — за это, наверное, я потом была ему благодарна, хотя в ту минуту не была благодарна ни за что. Он просто сказал мне в спину, тем же ровным, выскобленным голосом:

— Узел не отзовётся ни на одну из девяти. Я пробовал. Я объехал все гавани, Мэрит. Я стоял с Узлом Бури перед каждой узловязкой Низовья и просил связать его на себя — и он молчал, как мёртвый. Дохлая верёвка. Он отзывается только на тебя. Потому что узел дома вяжется на истинную жену, а истинная жена у дракона одна. Даже если он, как последний

дурак, выбросил её на этот причал год назад.

Я остановилась.

Дождь капал с края моего капюшона. Где-то кричали чайки, дравшиеся над выпотрошенной рыбой, и под сваями ходила вода, тяжёлая, чёрная, ещё не успокоившаяся после шквала. Я стояла спиной к нему и чувствовала, как внутри меня медленно поворачивается то самое — огромное, злое, копившееся год.

Потому что он сказал слово, которого не имел права говорить.

Истинная жена.

У штормовых драконов это не пустые слова, как у людей под венцом. У них узел либо ложится, либо нет. Когда Торн брал меня в жёны три года назад, Узел Бури замкнулся на наших руках в храме Девятого Вала — гудел тепло, ровно, на всю крепость, и старейшины кивали, и говорили: истинная пара, дому Вэйр повезло. А потом, через год, тот же узел при всех назвал меня лгуньей и убийцей. И вот теперь Торн говорит, что узел всё это время отзывался только на меня. Эти две вещи не складывались. Они не могли быть правдой одновременно. Узел либо мой, либо лжёт. А узел не лжёт.

Я обернулась.

— Вы сами развязали наш узел, — сказала я очень тихо. — При всех. Своими руками. Я это видела. Вы держали его, и он плевался в меня искрами, и вы сказали: она лжёт, узел подтверждает. Если он теперь молчит на всех, кроме меня,

— значит, либо вы тогда солгали, либо лжёте сейчас. Выберите, милорд. Какая ложь вам удобнее.

— Ни та ни другая, — сказал Торн. — Узел тогда не был наш.

Я моргнула.

— Что?

Он шагнул ближе. На причале былолюдно, но он понизил голос так, что слышала только я, и в этом понижении была не осторожность — в этом было что-то почти умоляющее, и видеть это у дракона было так дико, что у меня по спине прошёл холод.

— Тот узел, который мне вложили в руки в зале, — сказал он, — тот, что плевался в тебя искрами, — был не Узел Бури дома Вэйр. Это я понял только месяц назад. Наш узел всё это время лежал в крепостной сокровищнице, под замком, нетронутый. А в зале мне дали другой. Похожий. Тот, кто его подменил, знал, что я не стану в горе разглядывать пряди. Я держал в руках чужую снасть, настроенную плевать искрой на любые твои слова, и принял её плевки за приговор моей жены. И развёл нас. Своими руками. Ты права.

Я не могла дышать. Воздух стал густым, как перед второй грозой, и я не понимала, моя это буря собирается или просто кровь стучит в ушах.

— Тогда докажите, — сказала я. — Если наш узел цел и лежал под замком — несите его сюда. Дайте мне его в руки. Я узнаю наш узел из тысячи, я его перевязывала каждую зиму.

Несите, милорд. Слова стоят дёшево. Особенно ваши. Один раз ваши слова уже стоили мне всего.

И тогда Торн Вэйр сделал то, чего я не ждала. Он сунул здоровую, не горящую руку за пазуху, под мокрый плащ, и достал оттуда свёрток в промасленной коже. И развернул его прямо там, под дождём, на ладони.

Узел Бури.

Я узнала его сразу. Сердце узнало раньше глаз. Девять прядей старой просмолённой пеньки, потемневшей от времени до цвета мокрого дерева, с тем особенным двойным перекрёстом на третьей пряди, который вязала ещё бабка Торна, и с тем потёртым местом, где я сама подновляла четвертую прядь в нашу первую зиму, потому что она начала сечься. Это был наш узел. Живой узел дома Вэйр, на котором три года назад замкнулась наша свадьба. Я бы узнала его слепой, в темноте, на ощупь.

И он не искрил.

Он лежал на ладони Торна спокойный, тёмный, и когда я, не утерпев, потянулась и коснулась его кончиками пальцев — он чуть слышно загудел. Тепло. Ровно. Как кошка под ладонью. Как в нашу первую зиму. Как будто этот узел всё это время ждал, когда я снова до него дотронусь, и не верил, что дождётся.

Я отдернула руку, как от огня. Хотя это был не огонь. Это было хуже огня. Это была правда, от которой я пряталась целый год.

— Видишь, — сказал Торн. Тихо. — Он жив. И он знает тебя. Он не плевался в тебя ни тогда, ни сейчас. Плевался другой. Подменённый. А я был слишком оглушён горем, чтобы заметить разницу. Я погубил Виго неосторожностью — он вышел в бурю, которую я обещал ему связать, и не связал, потому что в ту ночь был с тобой. А потом, обезумев от вины, я нашёл, на кого её свалить. Точнее — мне любезно подсунули, на кого. Мэрит. Я не прошу прощения. Прощения тут быть не может. Я прошу другого.

— Чего, — выговорила я. Губы не слушались.

— Помоги мне найти того, кто подменил узел. — Молния под перчаткой вспыхнула, и он сжал кулак, унимая её. — Потому что человек, который год назад подделал Узел Бури дома Вэйр, чтобы развести грозового дракона с его узловязкой, сделал это не из злобы ко мне. Так не мстят. Так — расчищают дорогу. Кто-то очень хотел, чтобы на штормовых путях Низовья не осталось ни дракона при силе, ни узловязки при муже. Кто-то хотел, чтобы дом Вэйр догорел и перестал стеречь фарватеры. И этот кто-то получил, что хотел: я перегораю, ты вяжешь за гроши в чужой гавани, а пути стоят без присмотра. Ты не задумывалась, Мэрит, почему за этот год у Зубьев погибло столько кораблей, что тебе впору памятник? Раньше столько не гибли. Раньше пути стерёг дракон.

Я задумывалась. Прах меня забери, я задумывалась об этом каждую осень, тринадцать раз за эту, но гнала мысль, потому что мысль вела туда, куда я не хотела идти. К нему. К

дому Вэйр. К тому, что моё изгнание было кому-то выгодно.

— Допустим, — сказала я медленно, и каждое слово давалось как узел против ветра. — Допустим, я поверю, что узел подменили. Это не делает вас невиновным, милорд. Вы поверили подделке. Вы выбрали поверить ей, а не мне. Вы стояли в зале, и у вас был выбор — посмотреть на пряди или посмотреть мне в глаза, — и вы выбрали пряди. Чужие пряди. Это вы. Не подменщик. Подменщик дал вам нож. Но в меня вы воткнули его сами.

Торн не отвёл взгляда. Это я тоже не сразу ему простила — то, что он не отвёл взгляда, не стал прятаться за «я был в горе», не размазал свою вину в оправдание. Он принял удар, как принимают волну носом в шторм: прямо, всем корпусом.

— Да, — сказал он. — Это я.

Мы стояли друг против друга на мокром причале, и узел тёплый лежал у него на ладони между нами, и я ненавидела, как сильно мне хотелось взять этот узел снова и держать, пока он гудит. Год я доказывала себе, что я не лгала. И вот доказательство лежало передо мной — а оказалось, что доказать свою правоту и получить назад свою жизнь это совсем не одно и то же. Моя жизнь не возвращалась. Виго был всё так же мёртв. Год был всё так же прожит в долгах и презрении. А человек, разрушивший всё это, стоял передо мной и просил о помощи, потому что без меня он сохнет к Девятому валу.

И самое подлое было в том, что какая-то часть меня — та

самая узловязка, что тянулась лечить, — уже считала, сколько у нас времени до этого вала.

— Зачем мне вам помогать, — спросила я. — Дайте мне хоть одну причину, которая не была бы вашей выгодой. Вы умираете — это ваша беда. Пути без присмотра — это беда гаваней, пусть гавани и платят. Подменщик гуляет на свободе — мне-то что, я и так уже всё потеряла, отнять у меня больше нечего. Назовите причину, лорд Вэйр. Мою причину, а не вашу.

Он молчал так долго, что я подумала — у него нет ответа. А потом он сказал слово, и это слово вошло в меня глубже всех молний.

— Несса.

Я замерла.

— Дочь Виго, — сказал Торн. — Ей было четыре, когда отец погиб. Ты её помнишь — рыжая, как все Вэйры по женской линии, вязала тебе из водорослей кукол и звала тётя Мэрит. После гибели Виго её отправили к родне матери на Седьмую гавань. А полгода назад Седьмую гавань навестили заморские купцы. И Несса пропала. Вместе с ещё четырьмя девочками. Все — с зачатком грозового дара. Все — рыжие.

Дождь шёл. Чайки кричали. А я стояла и видела перед собой не причал, а маленькую рыжую девочку, которая сидела у меня на коленях в большом зале Грозовой Косы и вязала из сухих водорослей кривого человечка, и говорила: смотри, тётя Мэрит, это ты, ты вяжешь бурю, — и я смеялась, потому

что человек и правда был похож на меня, такой же тощий и растрёпанный.

— Где она, — сказала я. И голос у меня был уже не мой. В нём была буря.

— Не знаю, — сказал Торн. — За морем. У того, кто принимает рыжих девочек, как принимал когда-то товар покойного лорда-казначая с большой суши и его южного выкормыша. Голова над головами, Мэрит. Тот, кому был выгоден и подменённый узел, и развод, и обезоруженные пути. Я не могу до него дотянуться — я перегораю и не доживу до конца поисков один. А ты можешь читать узлы лучше всех в девяти гаванях. Вместе мы найдём подменщика, а через подменщика — того, кто за морем держит Нессу. Вот твоя причина. Не я. Она.

Я смотрела на узел в его руке. На живой, тёплый узел нашего разбитого дома. И понимала, что он меня поймал — поймал той единственной приманкой, перед которой я не могла устоять, потому что год назад меня обвинили в гибели одного ребёнка, и я не могла, физически не могла теперь повернуться спиной к другому.

— Если вы лжёте про Нессу, — сказала я, — я свяжу вам такую бурю, что от вас и палёного запаха не останется. Я умею вязать не только спасение, лорд Вэйр. Мать научила меня и обратному. Просто за обратное в гаванях не платят, поэтому я не беру.

— Я знаю, что ты умеешь, — сказал Торн, и в его выскоб-

ленном голосе мелькнуло что-то, чего я не слышала год — почти уважение. — Я на это и рассчитываю.

И тогда я сделала самую большую глупость за весь этот год. Глупее, чем выйти за дракона. Глупее, чем поверить, что холод — это достоинство.

Я протянула руку и взяла Узел Бури с его ладони.

Он лёг мне в пальцы тёплый и живой, и загудел на всю мокрую гавань так, что Торн вздрогнул, а у меня на глаза навернулись злые, ненужные слёзы. Узел узнал хозяйку. Узел был рад. Узел, дурак просмолённый, ничего не знал ни про год, ни про долги, ни про презрение, — он просто узнал мои руки и обрадовался, как собака радуется вернувшемуся хозяину, который её бросил.

— Условия, — сказала я, моргая, чтобы слёзы сошли за дождь. — Я не ваша жена. Я не вернусь к вам женой. Я найду подменщика и помогу вытащить Нессу — за это, и только за это. Никаких клятв, никакого узла на руки, никакой Грозовой Косы дольше, чем нужно. Я сплю отдельно. Я ухожу, когда захочу. И если вы хоть раз посмотрите на меня так, будто я снова ваша, — я уйду в ту же минуту, и ваш узел пусть развязывается на здоровье. Согласны?

— Согласен, — сказал Торн Вэйр слишком быстро.

И вот тогда, услышав, как быстро он согласился, я впервые за этот разговор почувствовала не злость и не боль, а холодок тревоги. Потому что дракон, которому нужна истинная жена к Девятому валу, чтобы не сдохнуть, не должен так

легко соглашаться спать отдельно. Если только он не знает чего-то, чего не знаю я. Если только согласие «спать отдельно» не было такой же подделкой, как тот узел в зале.

Я сжала наш узел в кулаке.

— Тогда отчаливаем, — сказала я. — Пока я не передумала. И пока вы ещё можете держать румпель этой вашей рукой.

Сборы заняли у меня меньше времени, чем уходит на хороший узел. Вся моя жизнь умещалась в один сундучок и одну корзину со снастью, и это было единственное, за что я в ту минуту была благодарна изгнанию: налегке уходить легче. Я зашла в материн дом — теперь мой, — погасила очаг, который только собиралась растопить, завернула в тряпицу хлеб и вяленую треску и сунула за пояс короткий нож, которым потрошат рыбу и, если припрёт, людей. Соседке Тиле, что присматривала за козой, я сказала только: уезжаю на сезон, коза твоя, если не вернусь. Тила перекрестилась двумя пальцами — от ведьмы и от дракона разом — и не спросила куда. В Низовье не спрашивают куда. Спрашивают только, вернёшься ли, и то не вслух.

На причале меня ждал не один Торн. У сходней «Девятого Вала» стоял широкоплечий человек лет пятидесяти, с лицом, дублёным солью до цвета старого каната, и с такими руками, что ими впору гнуть скобы. Я узнала его. Рейк, корабельщик дома Вэйр, ходивший с Торном с тех пор, когда Торн ещё был мальчишкой, а Рейк уже был стар. Он смотрел

на меня так, будто на палубу занесло заразу.

— Леди, — сказал он. И в этом «леди» было столько яда, что хватило бы отравить гавань.

— Не леди, — поправила я, ступая на сходни. — Узловязка. Спроси своего лорда, он подтвердит. Он это при всех гаванях подтверждал, ты, наверное, был там. Все были.

Рейк глянул на Торна. Торн коротко кивнул — пропусти. Старик посторонился, но взгляда не отвёл, и я кожей чувствовала его спиной всю дорогу до люка: он считал меня той, кто погубил Виго. Для него ничего не подменяли. Для него я как была ведьмой год назад, так и осталась. И я подумала, что на этом корабле, который я когда-то звала почти домом, у меня теперь ровно ноль друзей, и один из тех, кто меня ненавидит, держит румпель, а второй — моё имя в кулаке вместе с нашим узлом.

— Сколько идти до Косы, — спросила я, когда отдали швартовы и Соляная Гавань поползла назад, размываясь в дожде.

— Двое суток, если ветер не сменится, — сказал Торн. Он стоял у борта, держась здоровой рукой за планширь, и смотрел на воду, и молнии под перчаткой то вспыхивали, то гасли в такт качке. — Если сменится — трое. Здесь, у Зубьев, ветер любит меняться.

— Знаю, — сказала я. — Я живу с этим ветром, пока вы с ним воюете издалека. — Я достала из корзины свой рабочий шнур. — Не дёргайтесь. Я свяжу нам ровную дорогу. Не

из любви к вам. Из нелюбви к утоплению. Я слишком много кораблей вытащила в этом году, чтобы утонуть на тринадцатом с половиной.

Я завязала первый узел, поймала тягу над «Девятым Валлом» и пригнула её под наш курс. Корабль пошёл ровнее. И тогда я заметила то, на что не обратила внимания на причале: моя рука, вяжущая узел, оказалась рядом с его перчаткой, и молния под кожей Торна потянулась к моим пальцам. Не больно. Она потянулась, как тянется железо к магниту, — выгнулась под кожей в мою сторону и притихла там, у самого моего запястья, будто моя близость её умиряла. Будто во мне для этой бури было место.

Торн смотрел на это, и лицо у него было такое, какого я у него никогда не видела за все наши три года. Не холодное. Голодное. И испуганное собственным голодом.

— Что, — сказала я резко, отдёргивая руку. Молния под его перчаткой дёрнулась за моим запястьем и нехотя отстала.

— Ничего, — сказал Торн и отвернулся к воде. — Просто впервые за год она утихла. На минуту. Рядом с тобой.

Я ничего не ответила. Я смотрела на серую воду, бегущую вдоль борта, и думала о том, что согласилась слишком легко, и что он согласился слишком легко, и что между этими двумя «легко» где-то прячется ловушка — только я ещё не видела, чья. Узел дома Вэйр лежал у меня за пазухой, тёплый, и тихо гудел в такт сердцу, и я впервые за год везла его домой. Только дом этот был не мой. И человек у борта был

не мой. И девочка, ради которой я ввязалась во всё это, была за морем, в руках того, кто умел подделывать даже правду.

А правда, как известно всякой узловязке, держится на одном узле. И если этот узел кто-то умеет подменять — не держится больше ничто.

Глава 3. Девятый Вал

Двое суток в море с человеком, которого ненавидишь, — это особый род пытки, и я не пожелала бы его врагу. Хотя именно врагу я его, в сущности, и желала, потому что других кандидатов на палубе «Девятого Вала» не было.

Первый день прошёл в молчании. Я связала нам ровный ход, поймала попутную тягу и держала её вполуха, как держат уздечку смирной лошади, а в остальное время сидела на бухте каната у борта и смотрела на воду, чтобы не смотреть на Торна. Он стоял у румпеля рядом с Рейком, и они переговаривались редко и коротко, как люди, которым слова уже не нужны, и я ловила обрывки: глубина, склянки, перемена ветра к ночи. Старик-корабельщик ни разу не глянул в мою сторону, но я всей спиной чувствовала его взгляд, тяжёлый, как мокрый канат. Команда — ещё четверо — обходила меня по широкой дуге. Узловязка на борту — к удаче, так у нас говорят. Но узловязка, которую обвинили в гибели лорда-наследника, — это уже не удача, это ходячий дурной знак, и матросы Вэйра не знали, как со мной быть, и потому просто не были никак.

Кормили меня отдельно. Мне это даже нравилось. Я выросла, когда меня кормили отдельно, а потом два года меня кормили за господским столом, и я так и не научилась там

есть спокойно — всё ждала, когда отнимут. Теперь отняли, и можно было снова есть в углу, и не ждать ничего. В этом есть свой покой — в том, чтобы тебе уже нечего было терять. Мнимый покой, как я скоро узнала. Но в первый день я в него верила.

Под вечер ветер сменился, как и обещал Рейк. Зашёл с веста, заворочался, потяжелел — и я почувствовала, что моя ровная дорога начинает рваться. Грозовой дар не врёт о погоде, как не врёт боль о ране: где-то на западе собиралось большое, и оно шло к нам.

— Будет шторм, — сказала я, поднимаясь. — К полуночи. Сильный. Я свяжу обход, но нам надо забрать мористее, на вашей нынешней дуге мы войдём ему прямо в зубы.

Рейк фыркнул, не оборачиваясь.

— Курс держит корабельщик, а не...

— А не ведьма, — закончила я за него. — Договаривай, Рейк, я привычная. Только пока ты решаешь, договаривать или нет, шторм решает за тебя. Мористее. Или к утру будем считать, у кого больше: у меня узлов или у моря покойников.

— Делай, как она говорит, — сказал Торн.

Сказал тихо, но в тоне было то, что в драконах не спорят. Рейк дёрнул желваком и переложил руль. И вот это «делай, как она говорит» застряло у меня поперёк горла сильнее любой грубости, потому что год назад, в зале гаваней, он не сказал «делай, как она говорит». Он сказал «узел подтверждает». Тогда он поверил верёвке против меня. Теперь верил

мне против своего старого корабельщика. И я не знала, что с этим делать. Доверие, пришедшее на год позже, чем было нужно, — это не подарок. Это счёт, который тебе суют, когда ты уже расплатилась собой.

Я связала обход. Большой, на всю ночь, и он съел из меня столько, что под утро я сидела у борта серая и пустая, и руки тряслись так, что я едва свернула шнур. Шторм прошёл севернее, ворча и сверкая, и не тронул нас — но я заплатила за это хребтом, как всегда, и Торн, кажется, это понял. Потому что под утро, когда я сидела, привалившись к фальш-борту, не в силах встать, он подошёл и поставил рядом со мной кружку. Не сказал ничего. Просто поставил и отошёл. В кружке был горячий отвар — не ром. Тот самый травяной отвар, что давал мне Гесс. От которого меня не мутит.

Я смотрела на эту кружку и ненавидела его за неё больше, чем за весь прошлый год. Потому что он помнил. Помнил, что после большого узла меня мутит от рома и спасает только травяной отвар, — мелочь, которую помнят только если когда-то любили. Год меня корчило от того, что он меня выбросил. И вот оказалось, что есть кое-что, от чего корчит сильнее: от того, что, выбрасывая, он всё это время помнил, как меня отпаивать.

Я выпила отвар. До дна. И не поблагодарила. Это была моя мелкая, жалкая месть, и я ею насладилась сполна.

Второй день мы говорили. Не сразу. Сначала — о деле, потому что о деле говорить безопасно. Я расспрашивала про

подменённый узел: кто имел доступ к сокровищнице Косы, кто стоял рядом с ним в зале гаваней, кто вложил ему в руки ту снасть. Торн отвечал ровно, по-деловому, и из его ответов складывалась нехорошая картина. Узел в зале ему подал распорядитель собрания — человек гаваней, не Вэйров. Сокровищница Косы запирается ключом, который носит управитель, старый Олаф, служивший ещё отцу Торна, — и Олаф клялся, что ключ не выпускал из рук. Значит, либо Олаф лжёт, либо у кого-то был второй ключ. А второй ключ к сокровищнице грозового дома — это уже не воровство. Это измена изнутри.

— Кому это выгодно, — сказала я, грызя сухарь. — Вот единственный вопрос, который чего-то стоит. Не «кто украл», а «кому выгодно». Мать так учила читать не только узлы, но и людей. Развязываешь не там, где запутано, а там, где кто-то на запутанном кормится. Кто кормится на том, что дом Вэйр перестал стеречь пути?

Торн долго молчал. Потом сказал:

— Все, кто возит за море то, что нельзя возить при страже. Раньше штормовые пути Низовья были закрыты для такого товара — дракон стерёг фарватеры, и ни один груз не проходил без досмотра. Запрещённые амулеты с большой суши. Гасители. И... живой товар. Одарённые. Их везли в обход, дальними водами, теряя половину в бурях. А год назад страж исчез. И прямой путь открылся. Теперь через Зубья ходит кто хочет и с чем хочет, гибнут только те, кому не повезло с

погодой, — и среди этих грузов, Мэрит, идут рыжие девочки. Через мою воду. Мимо моей сорванной стражи. Я открыл им дорогу, когда выбросил тебя. Я только месяц как это понял, и с тех пор не сплю.

Я смотрела на него и видела не холодного лорда, за которого выходила, а вымотанного, выжженного изнутри человека, который год нёс не ту вину. Сначала думал, что виноват в смерти брата по неосторожности. Потом узнал, что виноват хуже — что его обманули и он пустил по своей воле работоторговцев. Вина-то была настоящая. Только не та, за которую он казнил меня.

— Знаешь, что самое скверное, — сказала я. — Что я тебе даже не могу как следует мстить. Я ехала сюда мстить. Я представляла это весь год: как ты приползёшь, и я плюну тебе под ноги. А ты приполз, и плюнуть некуда, потому что ты сам себя казнишь злее, чем сумела бы я. Ты украл у меня даже мою месть, Торн Вэйр. После всего. Это уже просто жадность.

Он посмотрел на меня. И вот тогда — единственный раз за два дня — в углу его рта дрогнуло что-то, похожее на тень улыбки.

— Прости, — сказал он. — Месть я тебе верну. С процентами. Найдём подменщика — отдам его тебе целиком, делай что хочешь. Себя только пока придержу. Я ещё нужен.

— Договорились, — сказала я. И поймала себя на том, что уголок моего собственного рта тоже предательски дёрнулся.

Это был плохой знак. Это был очень плохой знак. Ненавидеть дракона легко, когда он холоден. Гораздо труднее — когда он шутит над собственной смертью и помнит, каким отваром тебя отпаивать.

Под вечер второго дня, когда дело было переговорено по третьему кругу и молчать снова стало тяжелее, чем говорить, я спросила о Виго. Не из жалости. Из той же узловязкиной привычки развязывать там, где у человека затянуто ту же всего.

— Расскажи, как он погиб, — сказала я. — По-настоящему. Не то, что говорили в зале. Я ведь даже не знаю, как было на самом деле. Меня тогда никто не спрашивал, мне только выносили приговор.

Торн долго смотрел на воду. Молнии под перчаткой притихли — я заметила, что они стихают, когда он говорит правду, и злее ходят, когда он что-то держит в себе. Любопытная вещь. Я отложила её в памяти, рядом с отваром и подменённым узлом.

— Виго не должен был выходить в ту ночь, — сказал он наконец. — Шёл груз с Пятой гавани, зерно, и кормчий заболел, и Виго вызвался сам. Ему было двадцать два. Он рвался доказать, что он Вэйр не только по имени. Дар у него был слабый — он не родился драконом, как я, в нашем доме это бывает через одного, — но сердце было втрое больше моего. Он попросил: свяжи мне дорогу через Зубья, брат, я выйду на закате, к полуночи вернусь. Я обещал.

Он замолчал. Я ждала. Узловязки умеют ждать — мы всю жизнь ждём, пока буря покажет, куда пойдёт.

— А ночью пришла ты, — сказал Торн, и голос у него стал совсем ровным, тем ровным, каким говорят о самом непоправимом. — Точнее, я пришёл к тебе. Мы поссорились днём — не помню уже из-за чего, из-за какой-то ерунды, из-за того, что я опять был холоден, а ты опять это назвала вслух, — и я пришёл мириться. И мы помирились. И я забыл про Зубья, про закат, про обещание брату. Всю ночь забыл. А Виго вышел в воду, которую я обещал связать и не связал, и налетел шторм, которого никто не ждал, и его корабль выбросило на камни. Утром нашли обломки и его нож. Тела не нашли. Море у Зубьев тел не отдаёт.

Я сидела очень тихо. Потому что теперь я поняла всё. Поняла, почему он так легко поверил в мою вину год назад. Ему нужно было поверить. Если виновата я, своей колдовской снастью, — то он просто обманутый муж, жертва ведьмы. А если виноват он сам, забывший брата ради женщины, — с этим нельзя жить. И кто-то очень умный это понял раньше меня. Кто-то подсунул ему узел, который позволял переложить непереносимую вину на меня. Подделка сработала не потому, что была хороша. Она сработала, потому что Торн отчаянно хотел в неё поверить.

— Так вот оно что, — сказала я медленно. — Тебя не просто обманули, Торн. Тебя обманули там, где ты сам хотел обмануться. Подменщик не верёвку подменил. Он тебе

горе подменил — дал виноватую вместо невыносимой правды. И ты вцепился в меня, как утопающий в ту самую снасть, что его топит. — Я покачала головой. — Знаешь, в каком-то смысле это хуже. Если бы ты просто поверил вещи, я бы тебя презирала. А так — мне тебя ещё и жаль. А жалость к тому, кто тебя распял, это, доложу я тебе, такая мерзкая штука, что лучше бы ты просто был подлецом.

— Я и есть подлец, — сказал Торн. — Я был с тобой, когда должен был стеречь брата. Я предал Виго той ночью. А потом предал тебя, чтобы не признавать, что предал Виго. Два предательства одной рукой. И обе руки теперь горят. — Он коротко, страшно усмехнулся. — Справедливо, в общем-то.

— Несправедливо, — сказала я, и сама удивилась, что защищаю его. — Несправедливо, потому что в ту ночь ты был просто живой человек, который хотел помириться с женой. Это не преступление, Торн. Преступление — то, что кто-то использовал твоё горе как отмычку. Виго погиб от шторма и слабого дара, а не от того, что ты был счастлив одну ночь. Перестань носить чужой нож в собственном боку. Он тебе не по росту. — Я отвернулась к воде, злясь на себя. — И вообще, я приехала мстить, а не утешать. Не сбивай меня. Это нечестно.

Он не ответил. Но я кожей почувствовала, что он смотрит на меня, и что молнии под его перчаткой совсем притихли, и что между нами на палубе «Девятого Вала» в этот закатный час протянулась первая тонкая нить — не прощения, до

прощения было ещё как до того берега, — а понимания. И это пугало меня больше шторма. Шторм я умела вязать. А вот это — нет.

Грозовую Косу мы увидели на закате второго дня. И я сразу поняла, что Торн не преувеличивал, говоря, что дом умирает.

Коса — это длинный каменный мыс, выгнутый в море серпом, и на самом его острие стоит крепость Девятый Вал, древняя башня Вэйров, в которую бьёт всякая буря, идущая с запада, — стоит и держит, и тем держит за собой все девять гаваней. Я помнила её грозной и целой. Теперь над ней висела туча. Не проходящая — стоячая. Чёрная, набрякшая молниями, она сидела на башне, как сидит ворон на падали, и из неё то и дело били разряды — в камень, в воду, в скалы. Это была не погода. Это была боль дома. Грозовой дом без живого узла не держит больше бурю, и буря, которую некому связать, садится ему на голову и грызёт.

А внизу, у подножия Косы, в бухте, я увидела то, от чего у меня всё похолодело внутри: обломки. Мачты, торчащие из воды у самых скал. Один корабль, два, три — разбитые о камни, которые раньше стерёг дракон. Свежие обломки. Этой осени.

— Сколько, — спросила я тихо.

— Девять за сезон, — сказал Торн. Голос у него был как камень. — В моей собственной бухте. Под моими окнами. Я слышу, как они бьются о скалы по ночам, и не могу выйти и

связать им дорогу, потому что то, что во мне, — он коснулся перчатки, — это уже не та сила, которой вяжут. Это сила, которой рвут. Я больше не страж, Мэрит. Я открытая рана, на которую слетается всё гнильё моря.

Я стояла у борта и смотрела на стоячую тучу, на бьющие в башню молнии, на торчащие из воды мачты, — и руки у меня сами потянулись к корзине со снастью. Узловязка не может смотреть на развязанную бурю спокойно. Это сильнее меня. Это в крови.

— Заводи в бухту, — сказала я Рейку. — Я сниму тучу с башни, пока мы швартуемся, иначе она нас приласкает по дороге.

— Ты не свяжешь эту, — сказал Рейк, и в кои-то веки в его голосе не было яда — был страх. — Эту никто не вяжет. Мы пробовали звать узловязок. Две отказались. Третья попробовала — и неделю потом лежала, говорят, поседела вся. Эта туча сидит на крови дома. Чужому её не снять.

— А я не чужая, — сказала я, и сама удивилась, как зло это прозвучало. — Я этому дому жена. Бывшая. По-вашему — никто. А по узлу — единственная, на кого он отзывается. Так что подвинься, старик. Я иду снимать бурю со своей бывшей крыши.

И я начала вязать.

Туча почуяла меня сразу. Она была злая, голодная, напитанная болью перегорающего дракона, и она кинулась на мой первый же узел так, как ни одна буря на меня ещё не кида-

лась, — не вслепую, а словно зная, кто я. Молния ударила в воду в десяти шагах от борта, обдав нас паром и брызгами, и Рейк выругался, и матросы попадали на палубу, а я устояла. Потому что я уже была внутри узла, в том сужении мира, где есть только тяга и шнур. Я перехватила вторую молнию петлёй — не отвела, на это меня бы не хватило, — а просто показала ей другую дорогу, в скалу, где она никого не убьёт. Третью. Четвёртую. Я вязала, и пот заливал мне глаза, и я чувствовала, как туча давит на меня всем своим чёрным весом, и понимала, что Рейк был прав: чужому её не снять. Снять её можно, только если ты этому дому свой. А я, прах меня забери, всё ещё была ему своя — узел в этом не сомневался, даже когда сомневалась я.

И туча это поняла. Я почувствовала тот миг, когда она меня узнала — как узнал тогда узел на причале. По буре прошла дрожь, будто пёс, готовый кусать, вдруг учуял хозяина. И стоячая чернота над башней дрогнула, поползла, начала разворачиваться к морю, нехотя, ворча, но уходя — туда, где может отгрохотать над пустой водой никого не убив.

Я сняла бурю с башни дома Вэйр.

Я сделала это серая, на трясущихся ногах, выблёвывая за борт ту дурноту, что приходит после слишком большого узла, — но я это сделала, и в наступившей тишине было слышно, как стучит о скалы разбитый рангоут да кричат потревоженные чайки. Грозовая Коса стояла под чистеющим небом, и впервые за сезон, как сказал потом Олаф, над Девятым Ва-

лом проступили звёзды.

Я стояла, держась за фальшборт, и меня колотило мелкой дрожью, как колотит всякий раз, когда отдашь ветру слишком много за раз. В голове звенела пустота, в глазах плыли цветные пятна. Снять эту тучу стоило мне, наверное, года жизни — мать сказала бы именно так, мать всё считала годами жизни, как лавочник считает медяки. Но я не жалела. Есть узлы, которые вяжешь за деньги, и есть узлы, которые вяжешь потому, что иначе перестанешь быть собой. Снять боль с этого дома оказалось вторым. Я ненавидела дом Вэйр и его хозяина — и всё равно не смогла смотреть, как над ними воеет небо. Видно, узловязка во мне была сильнее обиженной бабы. Или глупее. В тот вечер я ещё не решила, что именно.

А я, отдышавшись, выпрямилась — и увидела, что на пристани Косы нас уже ждут. Факелы, люди. Управитель Олаф, я узнала его седую голову. Слуги. И что-то было не так в том, как они стояли. Слишком готово. Слишком ровно. Будто знали час нашего прихода с точностью до склянки.

— Торн, — сказала я тихо. — Ты посылал вперёд весть, что везёшь меня?

— Нет, — сказал он, и я увидела, как он напрягся, вглядываясь в пристань. — Никому. Даже Рейку я не говорил, к кому иду, пока мы не отошли от Косы. Никто на свете не знал, что я везу домой именно тебя.

— Тогда объясни мне, — сказала я, и холодок тревоги,

дремавший во мне с самого причала Соляной, развернулся наконец во весь рост, — почему вон тот человек на пристани держит наготове не одну швартовую петлю, а две? Одну — для корабля. А вторую — поменьше, на рост человека. Будто кого-то тут собираются вязать. И почему рядом с твоим управителем стоит распорядитель собрания гаваней — тот самый, что год назад вложил тебе в руки подделанный узел?

Глава 4. Узел читает

Распорядителя собрания гаваней звали Сольм. Я хорошо его помнила — гладкий, круглый человечек с улыбкой, приклеенной к лицу намертво, как ракушка к днищу. Год назад он стоял посреди зала и подавал Торну узел тем особенным жестом, каким подают не вещь, а приговор. И сейчас он стоял на пристани Грозовой Косы, среди слуг Вэйра, в час, который не должен был знать заранее никто, — и улыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.